

Именно так заканчивается очерк М.И. Цветаевой «Вольный проезд». А всё начиналось 6 сентября 1918 года в Москве. В Институте кавалерственных дам, где располагался Отдел изобразительных искусств, Марина Ивановна добилась пропуска в Тамбовскую губернию «для изучения кустарных вышивок». Но ехала она за пшеном. В прологе своего очерка она помечает: «Вольный проезд (провоз) в 1/2 пуда...». В Москве у неё остались две дочери – Ариадна и Ирина. Последней шёл второй год. Тревога за дочерей и заставила её покинуть голодающую Москву. Дочь знаменитого профессора И.В. Цветаева, основателя Московского музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, известная поэтесса была вынуждена спасать от «костлявой руки» голода своих любимых дочерей. С великим трудом ей удалось сесть в первопрестольной в поезд: «...В последнюю минуту – точно ад разверзся: лязг, визг. Я: “Что это?”. Мужик, грубо: “Молчите! Молчите! Видно еще не ездили!”. ..Страх, как перед опричниками, весь вагон – как гроб. И, действительно, минуту спустя нас всех, несмотря на билеты и разрешения, выбрасывают. Оказывается, вагон понадобился красноармейцам...». Спасло её чудо: «В последнюю секунду Н, его друг, тёща и я, благодаря моей командировке, всё-таки попадаем обратно...». И только в поезде, она «трагически» уясняет, что «едем мы на реквизиционный пункт и ...почти что в роли реквизирующихся...». По дороге она знакомится с «тёщей», сын которой служил в реквизиционном отряде.

Вот, наконец, и станция Усмань: «12-й час ночи... Чайная. Ломящиеся столы. Наганы, пулемётные ленты, сплошная кожаная упряжь. Веселы, угощают. Мы, чествуемые, все без сапог, – идя со станции чуть не потонули...». Хозяйками чайной были две старухи, в глазах которых Цветаева прочитала и раболепство и ненависть. Сын «тёщи» оставил их на ночлег здесь же в чайной. Марина Ивановна «уложилась» на пол «просто в то время, как “тёща” спала на “хозяйкиных подушках и перинах”». Но отдохнуть пришлось недолго. Нагрянули с обыском, у хозяек чайной искали золото. Обыск продолжался «до свету».

Этим же утром Марина Ивановна с тремя спутниками покинула чайную. Двое из них уехали в бывшее имение князя Б.Л. Вя-

земского, которого зверски год тому назад убили на станции Грязи солдаты – дезертиры, и по словам Цветаевой это была «знаменитая, по зверскости, расправа».

А затем «тридцать вёрст пешком по стриженному полю, чтобы выменять ситец (розовый) на крупу. Но крестьяне категоричны: «Нет, нет, ничего нету, и продавать – не продаём и менять – не меняем. Что было, то товарищи отобрали. Дай Бог самим живу остаться». Москвичка предлагает им на обмен спички, мыло и ситец. И было у Цветаевой три куса мыла, пачка спичек и десять аршин сатина. Изба поразила поэтессу: «...всё коричневое, точно бронзовое: потолки, полы, лавки, столы, котлы... Скамьи точно в стены вросли, вернее – точно из них выросли...». Большинство крестьянок с недоверием отнеслись к «московке», ибо «...москвичи, счастливые, вам всё от начальства идёт...». В другом месте, предлагая обменять ситец на куриные яйца, она слышит «Курочки ня нясутся!» и «...готова передуть не только всех их кур, но их самих – всех! – до десятого колена...».

А затем ей довелось побывать и на усманском городском базаре: «Юбки – поросята – тыквы – петухи. Примиряющая и очаровывающая красота женских лиц. Все черноглазы, и все в ожерельях. Покупаю три деревянных игрушечных бабы, вцепляюсь в какую-то живую бабу, торгую у ней нашейной тёмный, колёсами, янтарь и ухожу с ней с базару – ни с чем...».

Жить больше было негде, и пришлось возвратиться вновь в чайную, где одна из хозяек «возмущена янтарём» и эта «хамка» заставляет мыть пол. Очень внимательно следит и приказывает: «Ещё лужу подотрите! Повесьте шляпку! Да вы не так! По половицам надо! Разве в Москве у вас другая манера? А я, знаете, совсем не могу мыть пола – знаете: поясница болит! Вы, наверное, с детства привыкли? Молча глотаю слёзы...». Многие она повидала и услышала. Даже «местную» поговорку записала: «Господи! Убить того до смерти того – у кого есть сахар и сало!», а мужик, подвозивший её до города Усмань, сказал: «Не было смиреннее нашего города!». Однажды на реквизиционном пункте она «схлестнулась» с большевиком Капланом, который обвинил её в «раскачивании советской власти...». Здесь же она познакомилась со «Стенькой Разиным» – кавалером двух Георгиевских крестов, у которого «Лицо круглое, лукавое, веснушчатое: Есенин, но без мелкости...». Она подарит ему на память перстень.

А потом был отъезд со станции, где «...мешочные холмы и волны, в промежутках вздохи, платки, спины...» и гневные восклица-

ния: «Москву объели, деревню объедать пришли! Ишь натаскали добра крестьянского!». А её «добро» – «трофеи» заключались в 18 фунтах пшена, 10 фунтах муки и трёх фунтах свиного сала. Но каждый из этих фунтов, наверное, был на вес золота. Ей с великим трудом удалось втиснуться в вагон при помощи того же «Степана Разина». В последние секунды она увидела руку, которая махала ей отъезжающей вслед. Рука с её перстнем.

Более чем на неделю она «задержалась» в Усмани. Это была, по сути, невероятная отчаянная поездка поэтессы, испытавшей унижения, голод и страшные мытарства походов по деревням, хождения по грязи на станцию за кипятком. Всё это она отразила в «Вольном проезде». И ещё от неё остался так называемый «усманский» цикл стихотворений. Среди них: «Ты дал нам мужества», «Два цветка ко мне на грудь», «Колыбель, овейная красным», «Под рокот гражданских бурь», «Офицер гуляет с саблей». И знаменитые цветаевские «Глаза», датированные 9-м сентября 1918 года:

*Привычные к степям – глаза,
Привычные к слезам – глаза,
Зелёные – солёные –
Крестьянские глаза!
Была бы бабою простой –
Всегда б платили за постой-
Всё эти же – весёлые –
Зелёные глаза...
Привычные к степям – глаза,
Привычные к слезам – глаза...
Что видели – не выдадут
Крестьянские глаза!*

Очерк «Вольный проезд» она напишет в двадцатых годах в Париже, и он увидит свет в журнале «Современные записки». В память о пребывании своём в Усмани она долгое время хранила ожерелье из янтаря и подарила его другой великой поэтессе Анне Ахматовой.

12 октября 2002 года, когда мировое сообщество отмечало юбилей поэтессы, на здании железнодорожного вокзала (правда, нового здания – В. Е.) станции Усмань в память пребывания Марины Ивановны была установлена мемориальная доска, автором которой является липецкий скульптор Валентин Челядин.